

ПЕЩЕРА
КАЗНЬ
ВЕДЬМИН ВЕК
СКРУТ
АРМАГЕД-ДОМ
МАГАМ МОЖНО ВСЕ

МАРИНА ДЯЧЕНКО
СЕРГЕЙ ДЯЧЕНКО

МАГАМ
МОЖНО ВСЕ

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д99

В оформлении обложки использован коллаж художника
Вячеслава Коробейникова.

Дяченко, Марина Юрьевна.

Д99 Магам можно все / Марина Дяченко, Сергей Дяченко. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 448 с. — (Лучшая фантастика Марины и Сергея Дяченко).

ISBN 978-5-699-96993-7

В уютном, почти сказочном мире, полном магии, происходят загадочные события. Сначала бесследно пропадают люди. Потом они возвращаются. Где они были и что с ними происходило, возвратившиеся не помнят, но на груди у каждого обнаруживается странный кулон со следами мощного магического воздействия. Молодой волшебник по имени Хорт зи Табор вынужден взяться за расследование этих происшествий, ведь только в его распоряжении имеется артефакт неограниченной магической силы...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-96993-7

© Дяченко М.Ю., Дяченко С.С., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Пролог

Ладно, пусть не миллион лет, но все-таки очень, очень давно стоял городок на берегу моря. Жители его были бедны и кормились тем, что уступали свои дома постояльцам. Постояльцы — чужаки — являлись летом, когда море было теплым и цвела магнолия; они хотели радости, и городок, прилепившийся у кромки самого красивого в мире парка, давал им эту радость.

Миллион лет назад.

Двери крохотного санузла были плотно закрыты, потому что в комнате спал сын; здесь, между ванной и унитазом, было очень тесно, квадратный метр истертой плитки под ногами, квадратный метр облупленного потолка над самой головой, запасная вода в цинковом баке, маленькое зеркало в брызгах зубной пасты, в зеркале отражаются два лица — одно против другого, слишком близко, будто за мгновение до поцелуя, и собеседников можно принять за влюбленных, если не смотреть им в глаза.

— ...Ты понимаешь, что после этих твоих слов ничего у нас не может продолжаться? Что я никогда не смогу переступить через эти твои слова? Что это конец?

— Что я такого сказала?

(Не оправдываться! Только не оправдываться. Это... жалко.)

— Что ты сказала?!

— Да, что я сказала? Почему ты...

Нет ответа. Есть дверь, качнувшаяся наружу и закрывшаяся опять.

Есть вода в цинковом баке и нечистое маленькое зеркало, отражающее теперь уже одно, некрасивое, красное, в гримасе рыданий лицо.

Уже рассвет, но желтой лампочке под потолком на это плевать. Как летнему солнцу плевать на женщину, скорчившуюся на краешке ванны. Какая бы ни случилась катастрофа — солнце будет вставать вовремя, и, даже если курортный городок со всеми своими жителями однажды обрушится в море, солнце все так же будет подниматься и опускаться, миллион лет...

Это было миллион лет назад. Теперь это не имеет никакого значения.

Глава 1

Занимательная геральдика: ЧЕРНЫЙ ХОРЕК НА ЗОЛОТОМ ПОЛЕ

— Как здоровье вашей совы?

— Сова поживает прекрасно, благодарю вас...

Моя сова околела пять лет назад, но я ответил как велела мне вежливость. Говорят, современный ритуал обмена любезностями берет корни из давно забытого наречия; в старину приветствие примерно так и звучало: «Ком сава?»

Гость кивнул так удовлетворенно, будто здоровье моей совы действительно вызывало у него живейший интерес. Откинулся на спинку замечательно неудобного кресла; вздохнул, разглядывая меня из-под насупленных редких бровей.

Для своих пятидесяти девяти он выглядел не так уж плохо. Я знал, что маг он не наследственный, а назначенный, что магическое звание он получил, будучи уже деревенским комиссаром, и что на аттестации ему повысили степень — дали третью вместо четвертой.

И еще я знал, как он ко мне относится.

— А как здоровье вашей совы, господин комиссар?

— Благодарю вас, — ответил он медленно. — Превосходно.

Я знал, что в тот же день, как комиссар был назначен магом, все окрестные охотники получили заказ на совенка. Немало совьих семейств понесло тогда тяжелую

утрату; из нескольких десятков птенцов свежеиспеченный маг выбрал одного — и теперь мой вопрос и его ответ наполнены были живейшим смыслом, потому что отобранная комиссаром сова оказалась хилой и все время болела.

Или он неверно за ней ухаживал?..

Молчание затягивалось. Наконец комиссар вздохнул повторно:

— Господин наследственный маг, от имени комиссариата и поселян я рад передать вам приглашение на праздник урожая, который состоится в последний день жатвы.

Я вежливо наклонил голову. Комиссар смотрел на меня устало и как-то болезненно. Видит сова, он не хотел идти ко мне на поклон; он сам изо всех сил пытался поправить дело — последние три дня на небе то и дело случались тучки, бессильные, бесплодные, холостые. Он стоял посреди двора, он бормотал заученные заклинания, он даже плакал — наверное, от бессилия... А потом преодолел отвращение и страх, сел в двуколку и поехал ко мне. По дороге разворачивал оглобли не раз и не два, и возвращался, и разворачивался снова — и вот сидит теперь, смотрит, щурясь, мне в глаза. Чего-то ждет, наивный.

— Весьма благодарен, — сказал я проникновенно. — Обязательно приду.

Комиссар проглотил слюну; ему предстояло сформулировать просьбу, и я с удовольствием смотрел, как он мучится.

— Господин наследственный маг... — выговорил он наконец. — Позвольте обратить ваше внимание на засуху.

— Как-как? — переспросил я с ласковой улыбкой.

— На засуху, — через силу повторил комиссар. — Вот уже почти месяц не было дождя... между тем состояние всходов... внушает опасение. Поселяне боятся, что праздник урожая будет... омрачен.

Он замолчал и уставился мне в переносицу; я улыбнулся шире:

— Надеюсь, *меня* никто ни в чем не подозревает?

Комиссар пожевал губами:

— Что вы, что вы... Никоим образом. Безусловно, это стихийное бедствие имеет естественную... немагическую природу. Однако еще немного — и нас ожидает неурожай, сравнимый с бедствием тридцатилетней давности; вы, наверное, не помните...

В последних словах обнаружились тонкие заискивающие нотки. Еще немного — и он скажет мне «сыночек»... или, чего доброго, «внучек»!

— Не помню такой древности, — признался я со смехом. — И, если честно, я никогда не интересовался сельским хозяйством. До недавних пор мне верилось, что брюква растет на деревьях!

Комиссар смотрел на меня с тоской; дать бы тебе мотыгу, явственно читалось в его взгляде. Выгнать бы на поле, под палящее солнце, и тогда поглядеть бы на тебя, здоровенного сытого лентяя. Поглядеть бы хоть раз на твой поединок со свекольной грядкой!..

В следующую секунду комиссар шумно вздохнул и прикрыл глаза. Видимо, картина, представлявшаяся ему, оказалась слишком яркой.

Я оборвал смех. Помолчал, любясь бессильной злостью визитера; сплел пальцы, потянулся, разминая суставы:

— Если вы, господин маг третьей степени, не в состоянии организовать маленькую тучку — обратитесь к

бабушкам в деревнях. Народные средства не всегда заслуживают осмеяния...

Он поднялся. Наверное, у него в запасе остались еще аргументы — деньги, почести, обращения к моей совести, — но презрение оказалось сильнее.

— Прощайте, господин наследственный маг... Здоровья и процветания вашей сове!

Слово «наследственный» он произнес с нескрываемым презрением. Гордые мы, гордые, ничего не поделаешь, наша гордость бежит впереди и распахивает всех локтями...

— Осторожнее, — сказал я заботливо. — Глядите под ноги.

Комиссар вздрогнул.

Про мой дом ходило в округе множество легенд: говаривали, например, о бездонных колодцах, куда в изобилии валяются жертвы потайных люков, о крючьях, ключьях, удушающих тюлем занавесках и прочих опасностях, подстерегающих нежелательного гостя...

Я любил свой дом.

Я никогда не был уверен, что знаю его до конца. Вот, например, не исключено, что где-то среди книжного хлама до сих пор обитает настоящая *сабая*, которую мне не поймать, как ни старайся. Но поведай я сплетникам о сабае — они не впечатлятся, другое дело свирепый камин, перемалывающий гостя каменными челюстями, или, скажем, бездонный ночной горшок, хранящий в круглом фарфоровом чреве смертоносные штормы...

— Здоровья вашей сове! — запоздало крикнул я вслед уходящему комиссару.

Из приоткрытого окна тянуло зноем. Я представил, как назначенный маг третьей степени (на самом деле

четвертой) выходит на крыльцо — из прохладного полумрака прихожей вываливается в раскаленное марево этого сумасшедшего лета. Как натягивает на глаза шляпу, как бранится сквозь зубы и бредет под солнцем к своей двуколке...

Почему он меня не любит — понятно. Но почему я его не люблю?

* * *

ЗАДАЧА № 46: Назначенный маг третьей степени заговорил от медведки огород площадью 2 га. Поле какой площади он может заговорить от саранчи, если известно, что энергоемкость заклинания от саранчи в 1,75 раза больше?

* * *

Спустя полчаса после ухода комиссара колокольчик у входной двери издал негромкое, сдавленное «динь-динь». По-видимому, визитер находился в смятенных чувствах; некоторое время я раздумывал, что бы это могло так смутить моего друга и соседа, и, так и не предположив ничего, пошел открывать.

Гость вломился, отодвинув меня в глубь прихожей — высокородный Ил де Ятер имел свойство заполнять собой любое помещение, и заполнять плотно. В первый момент — пока не притерпишься — мне всегда становилось тесно в его присутствии.

— Проклятье, с утра такая жарница... А у тебя прохладно, будто в погребе, устроился, колдун, как вошь в кармане, даже завидно...

За привычным напором и привычной спесью визитера пряталось смятение, то самое, что заставило хри-

петь мой звонкий дверной колокольчик. Что-то случилось. Большое. Неприятное.

— Мои приветствия, барон, — сказал я смиренно. — Желаете выпить?

— Пиво есть? — отрывисто спросил высокородный Ятер.

И через несколько секунд, ставя на стол опустевшую кружку:

— Значит, так, Хорт. Папаша вернулся.

Я налил ему еще — не рассчитал, пена хлестнула через край.

— Вернулся, — повторил барон удивленно, будто не веря своим словам. — Вот такой, преблагая лягушка, номер.

Я молчал. Гость опрокинул вторую кружку, вытер пену с жестких усов, дохнул мне в лицо пивным духом:

— Э-эх... На рассвете. Слугу, что ему открывал, я запер в подвале, там устройство хитренькое, знаешь, можно воду пустить — так труп потом во рву всплывает... Или не всплывает — по желанию.

— Раскисаешь, наследник, — сказал я с сожалением.

Барон вскинулся:

— Я?! Слуга-то живехонек пока. Просто привычка у меня такая, как у крысы, чтобы всегда второй выход был...

Я вздохнул.

Папаша Ила де Ятера, самодур шестидесяти двух лет, пропал без вести год и восемь месяцев тому назад. Отправился в путешествие с молоденькой невестой — и сгинул; предполагалась смерть от руки неведомых разбойников. Через полгода, согласно закону, наследство и титул перешли к старшему сыну, Илу — тому самому, что хлестал сейчас мое пиво.

Впрочем, если старый барон вернулся... пивом такую новость не зальешь. Потребуется напиток покрепче; Илто, выходит, самозванец. Негодный сын, получивший наследство при живом отце.

В самом лучшем случае моего дружка ждет удаленная обитель. В худшем — труп всплывает во рву. Или не всплывает. По желанию. О нраве старика Ятера в этих краях наслышаны даже те, кто от рожденья глух...

— Сядь, — предложил я.

Барон покорно опустился на козетку; еще минуту назад казалось, что комната переполнена им, как дрожжами. Теперь наваждение схлынуло — посреди гостиной сидел некрупный мужчина в щегольском, но изрядно помятом платье. Даже шляпа, небрежно брошенная в угол, казалась помятой и обиженной на весь мир.

— Подробности, — потребовал я, усаживаясь напротив.

Барон-самозванец потрогал стриженные усы — осторожно, будто боясь уколоться:

— На рассвете будит меня Пер, дурень этот, глаза на лбу: старый хозяин, мол, изволили объявиться, изволили постучаться и пройти к себе. Я сперва подумал — приснилось, мне и не такое, бывало... ну, да ладно. Потом гляжу — преблагая лягушка, все наяву, от Пера чесноком разит... Я его за шиворот — и в батюшкины комнаты, а там, знаешь, я все переделать велел, стену проломить, хотел охотничий зал устроить... И точно — стоит папаша посреди моего охотничьего зала, и глаза уже белые: видать, прошибло его от моих переделок... Я — бух в ноги: счастье, мол, а мы считали погибшим, то-се... Молчит, а глаза белые! Я...

Барон запнулся. Я не мешал ему; горластый и не знающий сомнений, наглый по природе и еще более обна-

глевший за последние месяцы, мой приятель — возможно, впервые в жизни — переживал настоящий шок.

— Я, Хорт, струсил, честно говоря... Короче, взял я да и запер. Замок там хороший успели приладить, охотничий зал ведь, трофеи ценные... Папашу запер, Пера — в подвал... еле успел. Через полчаса прислуга проснулась — и ведь чувят, подлецы, неладное. Я им сказал, что Пера уснул с поручением. Не верят! По глазам вижу... Не верят, что барон на рассвете встал и лакею поручение придумал. И отослал — пешком, в одной рубашке. И вокруг зала моего охотничьего так и крутятся... А я — к тебе, Хорт. Быстро думай, что делать, или я тебя, Хорт, этими вот руками задушу...

Он посмотрел на свои маленькие аристократические ладошки. Перевел взгляд на меня, будто прикидывая. Вздохнул сквозь зубы:

— Ну, пойдём... Пошли со мной. Надо что-то делать, Хорт... в долгу не останусь. Слово Ятера. Ты знаешь.

Я молчал.

Он шумно засопел:

— В чем дело?

— Странный народ эти аристократы, — пробормотал я будто бы сам себе. — Зачем тебе второй свидетель? Я, знаешь ли, не желаю всплывать во рву. Не тот характер.

Минуту он смотрел на меня, шевеля губами. Потом переменился в лице:

— Ты... за кого меня принимаешь, колдун? За отцеубийцу?!

Глядя в его стремительно белеющие глаза, я вдруг понял, что он не играет. Не притворяется; в настоящий момент его действительно ужасает перспектива кровопролития: и это при том, что сам он, не отдавая себе

отчета, уже совершил все необходимое для этого решительного поступка!

Правда, его визит ко мне в схему тихого убийства не укладывается.

— Ну что ты, Ил, — сказал я кротко. — У меня и в мыслях не было, ты превратно истолковал...

Некоторое время он смотрел на меня фамильным взглядом Ятеров — белым бешеным взглядом. Потом в глаза его постепенно вернулось осмысленное выражение:

— Ты... не шути так, Хорт.

* * *

«ВОПРОС: Что такое магическое воздействие?»

ОТВЕТ: Это активное направленное воздействие, имеющее целью изменение в окружающей физической среде.

ВОПРОС: Какого рода бывают магические воздействия?

ОТВЕТ: Бытовые, боевые, информационные, прочие.

ВОПРОС: Какие виды бытовых магических воздействий вы знаете?

ОТВЕТ: Природно-бытовые (изменения погоды и климата, сельскохозяйственные воздействия), социально-бытовые (изменение внешности своей и окружающих, то есть оличинивание; изменение свойств своих и окружающих, то есть оборотничество; изменение психологии своей и окружающих, то есть навеяние (сюда же относятся и любовные чары), ремесленно-бытовые (починка либо разрушение одежды, жилища, орудий труда, предметов искусства и быта), предметные (воздействия с имитацией предмета, как то: веревки, топора, факела, палки и тому подобное).